

Е. Б. ЧЕРНЯК

ДВА ЗАГОВОРА МАРИИ СТЮАРТ

[Из истории английской тайной дипломатии]

В настоящем очерке речь пойдет о некоторых драматических и существенных перипетиях тайной войны в период, который французский историк Ф. Амигю недавно назвал «золотым веком дипломатии». В исторической литературе отмечается двусмысленность термина «тайная дипломатия». Во времена абсолютизма, в новое время, по крайней мере до Французской буржуазной революции 1789 г. (а в ряде стран и значительно позже) секретной была не только дипломатия, но и почти целиком внешняя политика. Однако и в тот период для посвященных, включая прежде всего иностранные правительства, существовало различие между явной политикой страны, отражаемой в официальных действиях ее дипломатии, и скрытой, утаиваемой от этих правительств, осуществляемой секретной службой. Точнее было бы сказать, что в число приемов тайной войны, с помощью которой проводилась эта скрытая политика, входила и тайная дипломатия.

Утверждение абсолютной монархии в обществе европейских стран происходило в ожесточенной борьбе, в ходе которой сепаратистские устремления крупных феодальных магнатов снова и снова ставили под угрозу достигнутое государственное единство. Обе стороны пытались использовать крупные крестьянские восстания, городские движения, направляя их острие против своего противника до тех пор, пока накал народного недовольства не заставлял все фракции господствующего класса временно забывать внутренние распри для защиты своих коренных интересов. Классовая борьба в эту эпоху нередко происходила в религиозной оболочке, характерной и для Крестьянской войны в Германии, и для буржуазной революции в Нидерландах, и для социального катаклизма, известного под именем религиозных войн во Франции, и для народных движений в Англии. Поводом к развязыванию этих конфликтов нередко оказывались династические споры и притязания. Они неизменно служили обоснованием для начала феодальных междоусобиц, во время которых враждующие группировки знати искали помощи из-за рубежа.

Мятежи вельмож не раз подрывали авторитет центральной власти. Правительству в подобной обстановке приходилось на время свертывать свои широкие внешнеполитические планы или вовсе расставаться с ними, сосредоточиваться на внутренних проблемах. Впрочем, поскольку это касается Англии, в Лондоне и в такие времена не отказывались от одной привычной цели — обеспечения любыми средствами с помощью явной и тайной дипломатии или же путем прямой вооруженной интервенции преобладающего английского влияния в Шотландии. В борьбу за нее активно включились также Франция и главная опора католической контрреформации — Испания Филиппа II, претендовавшая на европейскую гегемонию.

В 30-е годы XVI в. в Англии произошла Реформация, повлекшая за собой ожесточенную борьбу партий. Реформация и контрреформация почти неизменно сопровождалась реформами секретной службы. Религиозная политика оказывалась связанной с религиозной полицией, а это была секретная полиция, слабо отличимая от

секретной службы. Так обстояло дело и при Генрихе VIII (1509—1547), в царствование которого была проведена Реформация, и при его преемнике Эдуарде VI (1547—1553), и в правление Марии Тюдор (1553—1558), пытавшейся реставрировать католицизм. Вступление в 1558 г. на престол Елизаветы I снова изменило государственную религию, но не пристрастие к приемам тайной войны.

ИЗМЕНЫ И ВЕРНОСТЬ УИЛЬЯМА СЕСИЛА

Поколение, при котором произошла Реформация, выдвинуло мало убежденных ее сторонников среди английского дворянства; эти люди руководствовались прежде всего соображениями непосредственной выгоды — будь то участие в расхищении монастырских земель, придворная карьера или то и другое вместе взятое. Даже у главного идеолога и руководителя Реформации архиепископа Крамера в основе лежала скорее вера в необходимость беспрекословного повиновения воле монарха, и когда глава государственной англиканской церкви (т. е. одной из протестантских церквей) в правление Марии Тюдор был присужден к сожжению на костре, он еще в ночь перед казнью мучился сомнением, умереть ли ему протестантом или католиком. Однако как раз преследования протестантов при Марии, вызвавшие волну эмиграции из Англии, продемонстрировали появление психологически нового типа людей, для которых преданность новой вере и ненависть к папизму вошли в плоть и кровь, несколько не принижая в их сознании и роли протестантизма в отстаивании материальных интересов тех, кто отмечен «божьей благодатью». Именно к таким характерам, по энергии, по уверенности в себе и правоте своего дела несколько не уступавшим иезуитам, штурмовому отряду католической реакции, и принадлежало большинство организаторов, руководителей елизаветинской разведки — и в этом одно из объяснений ее успехов.

Среди этих деятелей первое место принадлежало У. Сесилу лорду Берли, 40 лет от начала правления Елизаветы I (в 1558 г.) и до самой своей смерти бывшего первым министром королевы, все равно — на посту государственного секретаря или лорда-казначея. Карьера Сесила, простого линкольнширского дворянина, началась еще при Генрихе VIII. Сесил состоял членом Тайного совета и при Эдуарде VI, и при Марии Тюдор, благополучно пережил падение нескольких вельмож — его покровителей, кончивших жизнь на эшафоте. Он умел выходить невредимым из самых, казалось, безвыходных положений, никогда не переступал опасной черты, за которой пришлось бы бесповоротно связать себя с группировкой, стоявшей у власти, но обреченной, по его мнению, на неминуемое поражение.

Королева Мария Тюдор охотно бы включила Сесила в число своих ближайших советников, если бы он решительно присоединился к католической партии. Однако здесь сказалась его дальновидность. Сесил не верил в прочность католической контрреформации, которая явно противоречила интересам буржуазии, большей части джентри, выходцем из рядов которого он являлся. Поэтому Сесил счел за лучшее держаться в некотором отдалении от нового правительства, не навлекая, впрочем, гнева Марии Тюдор. Он внешне начал соблюдать обряды католической церкви, чтобы его можно было принять за вставшего на путь раскаяния грешника. Позднейшие апологеты Сесила из числа историков прошлого века, стараясь подыскать благовидное оправдание оппортунизму своего героя, считали, что, может быть, он склонялся к аднафоризму — направлению в германском протестантизме, которое не придавало значения католическому богослужению и было готово сохранить его ради примирения церквей. Как отмечал еще тогда же известный историк Маколей, Сесил если и был аднафористом, то только для самого себя, впоследствии без колебаний отправляя в тюрьмы и на плаху за верность католической обрядности. Он поддерживал контакты с опальной в правление Марии принцессой Елизаветой, следовавшей его советам, не лишаясь милостей самой королевы, выполняя со своей обычной оборотистостью различные ее поручения.

Вступление на престол Елизаветы сразу же выдвинуло Сесила на роль первого министра. Ни один из фаворитов Елизаветы, начиная от Лейстера и кончая Эссексом, не могли затмить влияния, которым неизменно пользовался Уильям Сесил. Вместе с тем было бы неправильным представлять это влияние всегда решающим — оно заключалось более в единстве взглядов и целей, в умении угадывать желания Елизаветы

и отступать, когда дело доходило до ее предубеждений, чем в попытке навязать свою точку зрения. Впрочем, часто все его усилия разбивались о почти болезненное стремление Елизаветы откладывать принятие важных решений, особенно если оно было связано с реальными опасностями и значительными расходами. Случалось иногда, что эти бесконечные промедления оказывались наилучшей политикой — самое развитие событий приводило к нужной цели, без всяких усилий и затрат со стороны королевы.

Уильяма Сесила никак нельзя отнести просто к распространенному в те времена типу политических хамелеонов, только лишь наделенного недюжинными способностями к интриге. Это был государственный деятель, всеми своими интересами, мировоззрением и психологией связанный с господствующими классами тюдоровской эпохи. Сесил не принадлежал к людям, способным открывать новые политические горизонты. Он был противником крайностей протестантизма, в которых инстинктивно уже ощущал опасность для позиций крупнобуржуазных классов, для расстановки сил, власти и влияний, воплотившейся в дорогих ему политических порядках елизаветинской Англии.

Осторожность Сесила чуть ли не вошла в поговорку. Он был сторонником осмотрительности, неторопливости в делах и поступках. Это вполне отражает и история английской секретной службы. Сразу же по вступлении на трон Елизавета изъяла разведку из ведения Тайного совета и передала ее в подчинение Сесила. Он руководил секретной службой сначала лично, а потом через других министров.

К числу наиболее активных разведчиков первых лет правления Елизаветы относится Николас Трокмортон, которого называли предшественником и в известном смысле учителем Френсиса Уолсингема, почти 20 лет (уже в 70-е и 80-е годы) возглавлявшего секретную службу Елизаветы.

В жизни и карьере Николаса Трокмортонна отразились сложные процессы английской социальной и политической истории в бурное XVI столетие. Это было время ломки и созидания, когда сложно переплетались старые и новые веяния, когда приверженность к религии вступала в конфликт с верностью стране, когда ломались традиционные союзы и рождались внешнеполитические комбинации, отражавшие новые интересы, идеи и устремления.

Николас Трокмортон еще с юных лет начал делать придворную карьеру, сразу обогнав в этом и своих многочисленных братьев, и других родственников, стал приближенным Эдуарда VI, сумев удержаться на поверхности в бурных водах придворных интриг. В последний момент Трокмортон успел перебежать в лагерь Марии, получить полное прощение и даже награды от новой королевы. Он совсем не был склонен к крайностям в религии и политике, столь характерных для многих его родственников, хотя очень походил на них бурным темпераментом. В 1554 г. Николас Трокмортон попал в Тауэр, где в это время была заключена и младшая сестра Марии — будущая королева Елизавета.

После двухмесячного нахождения в тюрьме Трокмортон предстал перед судом по обвинению в государственной измене, который обычно в ту эпоху был торжественно обставленным юридическим спектаклем, формальной процедурой с заранее предопределенным исходом, преддверием на пути к эшафоту. Однако в деле Трокмортонна судебная машина не сработала. Прокурор обвинял его в том, что он был по существу разведчиком повстанцев во время недавнего протестантского восстания Уайета, пересылая им информацию из Лондона. Вероятно, это соответствовало действительности и, главное, подтверждалось помощником Уайета Кетбертом Вогеном, который, спасая свою голову, согласился выступить свидетелем обвинения. Николасу Трокмортону пришлось признать свои контакты с восставшими, но он настаивал, что эти связи не могут быть подведены под государственную измену в смысле, придаваемом ей статутом Эдуарда III. Присяжные единогласно признали Трокмортонна невиновным, что вызвало радостные возгласы собравшейся толпы. Для вынесения оправдательного вердикта требовалась немалая решимость. Через неделю присяжных вызвали для допроса в зловещую Звездную палату, после чего двоих председателей жюри отравили в Тауэр, а остальных в тюрьму Флит; Николаса Трокмортонна тоже не выпустили из заключения. Оставался он в Тауэре до января 1555 г., когда его и еще нескольких лиц помиловали по случаю ожидавшегося рождения королевой ребенка.

В правительстве Елизаветы Трокмортон надеялся стать вторым человеком после

Сесила, но непрошенные советы и рекомендации сэра Николаса не были приняты королевой. От этих дней у него осталось острое чувство зависти к Сесилу, оно побуждало Трокмортон принимать сторону противников главного министра, конечно, противников из среды елизаветинской администрации, а не врагов самой королевы. Впрочем, Сесил, закрыв Трокмортону путь к участию в правительстве, охотно согласился предоставить беспокойному сэру Николасу дипломатический пост. В мае 1559 г. Трокмортон был назначен постоянным послом в Париж.

Трокмортон был сторонником более решительных мер против всех врагов Елизаветы. Эту линию отстаивал и фаворит королевы Роберт Дадли граф Лейстер, тогда как Сесил считал, что выгоднее придерживаться более осторожной и гибкой политики. Однако Трокмортон неизменно сохранял верность Сесилу, как главе британской секретной службы. Сэр Николас прибыл в Париж, когда был заключен Като-Камбрезский мир, положивший в 1559 г. конец военному конфликту между Испанией и Францией, длившемуся с перерывами более чем полвека. К тому же испанский король Филипп II и французский король Генрих II договорились уничтожить еретиков в своих странах. Возникла возможность коалиции двух наиболее мощных католических держав против Англии. Обе эти страны обладали средствами давления на Англию — Филипп II владел Нидерландами, торговля с которыми имела большое значение для британских купцов, а нидерландские гавани были самым удобным местом, откуда армия неприятеля могла за короткий срок достичь английских берегов. Франция обладала серьезными позициями в Шотландии. Регентшей Шотландии была вдова короля Якова Мария Гиз — представительница аристократического рода, оказывавшего большое влияние на французскую политику. А ее дочь, Мария Стюарт, с детских лет жившая в Париже и обвенчанная с французским дофином (будущим королем Франциском II), являлась королевой Шотландии. Будучи родственницей Тюдоров, Мария Стюарт обладала правами и на английский престол.

Война против Франции, начатая при Марии Тюдор без всякой подготовки, была неудачной. В 1558 г. англичане лишились своего последнего опорного пункта на континенте — французского города Кале. Трокмортон получил инструкцию выразить согласие с Като-Камбрезским договором. Вместе с тем послу предписывалось действовать, исходя из того, что главными непосредственными задачами английской политики было удаление французов из Шотландии и возвращение Кале. Ему были даны поручения, явно не укладывавшиеся в его дипломатические функции, точно разузнать, что собираются предпринимать Гизы в отношении Шотландии. Трокмортон должен был также устроить побег из Франции шотландского графа Эррана, имевшего права на шотландский престол.

Едва Трокмортон обосновался в Париже, как Генрих II в начале июля 1559 г. был смертельно ранен, участвуя в рыцарском турнире. Через несколько дней король скончался, на престол вступил его сын Франциск II (1559—1560), Мария Стюарт стала французской королевой, а Гизы установили полный контроль над правительством и подготовили посылку значительных французских подкреплений в Шотландию. Тревожные депеши Трокмортон Сесил использовал, чтобы сломить сопротивление Елизаветы плану английской вооруженной интервенции в Шотландию. Осенью 1559 г. Трокмортон был отозван, в марте следующего года начались военные действия между Англией и Францией. Превосходство англичан на море заставило Гизов согласиться на эвакуацию французских войск из Шотландии — таковы были условия Эдинбургского договора (1560 г.); добиться его ратификации было поручено Трокмортону, снова отправившемуся для этой цели в Париж. Трокмортон в то время был уже заметной фигурой на европейской дипломатической сцене, но его акции в глазах Елизаветы были бесповоротно подорваны непрошеными и бестактными советами, которыми он продолжал ей докучать.

Другим активным разведчиком был в эти годы Генри Киллигрю¹. Сэр Генри являлся противоположностью Николасу Трокмортону. Трокмортон не раз шел собственными путями, которые вызвали неудовольствие королевы и ее министров. Напротив, Киллигрю был идеальным, преданным слугой тюдоровской монархии, всегда

¹ A. Miller. Sir Henry Killigrew. Elizabethan Soldier and Diplomat. Leicester, 1963.

готовым без малейших угрызений совести на любые действия, включая убийство, если только они соответствовали государственным интересам в том смысле, какой вкладывали в это понятие Елизавета и ее советники. Киллигрю сразу же стал непримиримым врагом шотландской королевы. Пока же во Франции и Трокмортон, и Киллигрю действовали в полной гармонии для осуществления целей явной и тайной дипломатии елизаветинского правительства.

В Лондоне считали, что герцог Гиз, обладавший большим влиянием при французском дворе, постарается силой поддержать притязания на английский престол своей племянницы Марии Стюарт. Поэтому английская секретная служба стала всячески поощрять политическую и религиозную оппозицию и в Шотландии, и во Франции. Трокмортон и Киллигрю вполне подходили для выполнения поручений, связанных с такой политикой. В июле 1558 г. Киллигрю удалось устроить бегство из Франции графа Эррана. Киллигрю действовал вместе с английскими разведчиками Томасом Рэндолфом и Ричардом Тремэйном. В августе Киллигрю установил контакт с Антуаном, королем Наварры, возможным руководителем французских протестантов.

Трокмортон, Киллигрю и ряд других английских агентов участвовали в подготовке широкого заговора французских протестантов. Вернувшись в Лондон в конце февраля 1560 г., Киллигрю смог доложить о предстоявших важных событиях во Франции. Речь шла об Амбуазском заговоре, посредством которого принц Конде решил захватить в свои руки Франциска II и Гизов. Главным организатором заговора был Жюльен де ла Реноди, выполнявший поручения не только Конде, но и английской разведки. Заговор был очень опасным для Гизов, но его тайну не удалось сохранить. О нем узнали, в частности, лазутчики герцога Савойского и кардинала Гранвеллы, испанского наместника в Нидерландах, поспешивших известить обо всем Гизов. Информация, хотя и неточная, просочилась к Гизам и по другим каналам. Из попытки захватить двор врасплох в Амбуазе ничего не вышло, и протестантский заговор потерпел полную неудачу.

В декабре 1560 г. Франциск II умер, и Мария Стюарт, перестав быть королевой Франции, вскоре уехала в Шотландию. Гизы потеряли контроль над французской политикой. Вступление на престол Карла IX (1550—1574) фактически передало бразды правления в руки его матери Екатерины Медичи, которая тогда стремилась предотвратить открытую войну между католиками и гугенотами. К этому времени Трокмортон успел создать прочную разведывательную организацию и мог посылать Сесилу подробные отчеты о малейших изменениях французской политики. Екатерина Медичи со своей стороны учредила постоянную слежку за британскими дипломатами.

События вскоре пошли по руслу, желательному Трокмортону, хотя в том не было его заслуги. Убийства по наущению Гизов гугенотов в Васси и в других местах послужили в 1562 г. сигналом к началу первой из религиозных войн, растянувшихся на полстолетия. Гугеноты взяли за оружие, их силы во главе с адмиралом Шатийоном и Конде сосредоточились в Орлеане, и там же очутился британский посол с небольшим количеством золота. Сэр Николас писал Сесилу, что при умелом ведении дел Елизавета «будет в состоянии стать арбитром и правителем христианского мира» вместо испанского короля. Трокмортону удалось убедить даже осторожного Сесила и королеву.

Правительство Елизаветы предполагало побудить гугенотов уступить Англии Гавр и Дьеш как плату за военную помощь. Эти города могли быть потом обменены на Кале. В Лондоне учитывали стратегическое значение Дьеша и особенно Гавра, которые были ключами к Парижу, так как контролировали устье Сены. Поэтому агенты Сесила — Эдвард Хорси и адмирал Уод — появились в этих городах, выясняя возможность их обороны против королевской армии и готовность принять английские гарнизоны. В августе 1562 г. туда же приехал Киллигрю. Он пытался не только определить военные возможности гугенотов в этом районе, но и убедить их лидеров ориентироваться на английскую поддержку. Киллигрю пришлось пережить много приключений, прорываясь силой с военным отрядом через территорию, занятую неприятелем. В октябре 1562 г. английские войска прибыли в Гавр, помощь запоздала и оказалась крайне недостаточной. Киллигрю, раненный в ногу, попал в плен. После уплаты выкупа он был отпущен на родину.

В июле 1563 г. Гавр капитулировал. Интервенция окончилась неудачей, а Трок-

мортон, снова сменивший обличье разведчика на костюм дипломата, отправился как ни в чем не бывало в Руан для переговоров с Екатериной Медичи об улаживании «досадных недоразумений» между английским и французским двором. Флорентийка пришла в ярость — или очень ловко изобразила гнев — и, воспользовавшись тем, что у англичанина не было пропуска, приказала взять его под стражу. Трокмортон провел в заключении 10 месяцев.

ВИЗИТЫ В ШОТЛАНДИЮ

Главным экспертом по шотландским делам считался в Лондоне сэр Ролф Сэдлер. Не раз причудливые дороги тайной войны приводили Сэдлера в Шотландию. Он готовил английское вторжение в Шотландию в 1547 г., во время которого был предан огню Эдинбург. Сэдлер неоднократно вмешивался в борьбу шотландских протестантов и католиков, то находясь вместе с армией в Шотландии, то действуя с английской территории. Через свою обширную агентуру он подкупал нужных людей, обещал надежное укрытие в Англии для наемных убийц. Примером может послужить заговор с целью убийства кардинала Дэвида Бетона. Английские власти договорились с шотландским священником Дж. Уишертом, взявшимся за это дело. В Лондоне Уишерт был даже принят Генрихом VIII. План не удался. Позднее, в 1546 г., Бетон отправил Уишера как еретика на костер. Через месяц в замок, где находился кардинал, ночью проникла группа его врагов. Бетон был убит, а междоусобица продолжалась.

В 50-е годы главным противником Сэдлера стала регентша Мария Гиз. Опираясь на католическую партию в Шотландии и на французскую помощь, она намеревалась уничтожить все следы реформации в этой стране. Протестантские лорды опасались, что, после того как Мария Стюарт стала французской королевой, она сумеет снабдить свою мать Марию Гиз достаточными ресурсами, дабы подавить сопротивление ее врагов. В Лондоне не могли не учитывать возникшую реальную опасность превращения Шотландии в вассала или провинцию Франции. Именно поэтому в августе 1559 г. Сэдлер снова отправился на север. Его сопровождала свита из 15 дворян с их слугами. А чтобы несколько прикрыть подлинную цель его поездки, к нему присоединили еще двух знатных лиц — графа Нортумберленда и губернатора графства Бервик сэра Джеймса Крофта. Официально всем троим поручалось выяснить положение на границе. Но Нортумберленд был ярым католиком и не пользовался ни малейшим доверием Сэдлера, писавшего Сесилу, что граф «весьма не подходит для его обязанностей здесь». Он должен был служить прикрытием для миссии Сэдлера, слишком хорошо известного в Шотландии как мастера тайной войны. Французский посол де Ноай выразил официальный протест Елизавете от имени регентши в связи с приближением сэра Ролфа к шотландской границе. Елизавета ответила, что никто из находящихся на ее службе лиц не осмелится по собственному почину интриговать вместе с врагами регентши. В заключение Елизавета просила сообщить ей точные данные о таких интригах, дабы она могла примерно наказать виновных. Для того же, чтобы у Марии Гиз не было таких доказательств, сэр Ролф заблаговременно обменял привезенные с собой 3 тыс. ф. ст. на деньги французской чеканки и занялся улучшением администрации в пограничных районах.

Не дремали и в Лондоне. Там в это время решили использовать против Марии Гиз и ее дочери Марии Стюарт «молодого Эррана» — сына бывшего регента графа Эррана, — имевшего династические права на шотландский престол. Прибыв в Лондон из Франции, Эрран тайно проскользнул в дом Сесиля. Вскоре молодого графа навестила сама Елизавета. Но стремление сохранить этот визит в тайне не увенчалось успехом — шпионы испанского посла де Куадра немедленно сообщили его об этой встрече. Испанец писал Филиппу II, что королева, быть может, согласится выйти замуж за потенциального претендента на шотландский престол. Тем временем подоспело письмо Сэдлера, просившего направить Эррана на родину. Последний столь же секретно покинул Лондон. Французский посол узнал об этом с большим запозданием. Надеясь, что шотландец еще может вернуться в Лондон, де Ноай поспешил испросить аудиенцию у Елизаветы и заявил, что Эррана разыскивают французские власти и что по условиям действующего договора между Францией и Англией о выдаче таких лиц, он должен быть арестован и отправлен в Париж. Елизавета, не скрывая иронии,

заметила взволнованному дипломату, что она ничего не слышала об Эрране и тем более никогда его не видела, но если его задержат, она немедленно поступит с ним в соответствии с желаниями французского короля.

1 сентября Эрран с приставленным к нему Томасом Рэндолфом прибыли в Бервик к Сэдлеру, который принимал все меры к усилению войск протестантских лордов, избегая открытого конфликта с Марией Гиз и с Францией. В полночь 6 сентября с черного входа дома, где остановился Сэдлер, впустили усталого посетителя — это был Генри Бэлнейвс — представитель протестантских лордов. Вскоре туда же прибыли Эрран и Рэндолф. Сэдлер вручил Бэлнейвсу два кожаных мешка с французскими золотыми монетами на сумму в 3 тыс. ф. ст., и тот отправился в обратный путь.

К этому времени сэр Ролф уже создал сеть доверенных людей, которые сумели тайно провести молодого Эррана к его отцу. Лорды, получившие возможность заплатить жалованье своим солдатам, возобновили войну против регентши, осадив ее крепость Лейт. Но они не имели артиллерии, и поэтому крепость, в которой находился сильный французский гарнизон, успешно выдерживала осаду. От 3 тыс. ф. ст. вскоре остались лишь воспоминания. Тогда лорды решили направить нового посла Джона Кокберна к Сэдлеру с просьбой о помощи. Отъезд Кокберна не остался незамеченным — регентше удалось создать эффективную секретную службу, следившую за всеми действиями протестантских лордов. Графу Джеймсу Босвелу было поручено выследить Кокберна. Босвел предложил регентше перехватить его на обратном пути вместе с английским золотом. Агент Босвела — некий Хьюм, живший в нескольких милях от дома Сэдлера, внимательно наблюдал за всеми лицами, приезжавшими к нему. Кокберн, сообщив Сэдлеру о положении дел, получил от него новую дотацию в 1 тыс. ф. ст. и снова отправился в дорогу. Хьюм немедленно известил об этом Босвела. На Кокберна напали по дороге, оглушили и захватили в плен, а с ним и привязанный к седлу драгоценный кожаный мешок.

Протестантские лорды не смогли добиться своей цели. Для помощи им было предпринято очередное английское вторжение в Шотландию. Однако армии Елизаветы не удалось овладеть Лейтом. 16 июня 1560 г. благодаря усилиям Сэдлера и прибывшего в Шотландию Уильяма Сесила был подписан Эдинбургский договор. Согласно этому договору Мария Стюарт, еще находившаяся во Франции, должна была отказаться от открытых притязаний на английский престол; англичане и французы обязывались вывести свои войска из Шотландии. Парламент объявил протестантизм национальной религией Шотландии. Мария Гиз умерла в том же июне 1560 г. Борьба в целом закончилась в пользу протестантских лордов и Англии.

МАРИЯ СТЮАРТ. ПЕРВЫЕ ГОДЫ В ШОТЛАНДИИ

Уже при жизни Марии имя и образ шотландской королевы служили орудием сложной политической игры. В этой игре переплетались конфликты протестантизма и католической контрреформации, Англии и Испании; в ходе ее правительство Елизаветы не раз стремилось временно смягчить остроту своего столкновения с могущественной державой Филиппа II. Много значило здесь и нежелание английской королевы подрывать престиж монархической власти обличением помазанницы божьей, а также необходимость учитывать, что безмерные нападки на Марию и, в частности, отрицание ее прав на британский трон — даже только в качестве преемницы Елизаветы, подрывало и права ее сына Якова, которого протестантская Англия считала наиболее подходящим наследником престола. Поэтому во второй половине XVI — в. в Западной Европе выходили и многочисленные сочинения, восхваляющие «католическую мученицу», и суровые пуританские обличения «распутной убийцы», и книги со сдержанными, уклончивыми оценками и умолчаниями, которых долгое время требовала елизаветинская цензура².

Еще в 1773 г. была высказана мысль, что споры вокруг Марии Стюарт стали слишком яростными и породили много объемистых книг³. А в 1881 г. немецкий историк В. Онкен писал: «Донные обвинители и защитники Марии Стюарт сильно раз-

² J. E. Phillips. Images of a Queen Mary Stuart in Sixteenth-Century Literature. Berkley, 1964, p. 206—207.

³ Цит. по: D. H. Fleming. Mary Queen of Scots. London, 1897, p. V.

лжачаются по религиозной принадлежности, первые являются протестантами, вторые — католиками»⁴.

Когда в августе 1561 г. Мария Стюарт вступила на шотландскую землю, ей было 18 лет, из которых последние 13 прошли во Франции. Фактически она была вполне иностранкой у себя на родине, которую покинула пятилетней девочкой. После пыльного великолепия французского двора Шотландия казалась далекой окраиной, мимо которой прошли целые столетия культурного развития Европы.

За год с небольшим, между смертью Марии Гиз и прибытием ее дочери, прежняя расстановка сил заметно изменилась и наметились новые группировки, среди которых королеве следовало сделать выбор.

Главой оппозиции правительству регентши был, граф Эрран, ставший герцогом Шатлеро. Правда, нерешительный человек был лишь видимым лидером своего лагеря, но он мог опираться на поддержку могущественного клана Гамильтонов. Его сводный брат Джон Гамильтон, епископ Сен-Эндрюсский, возглавил умеренно консервативную группировку. Напротив, «молодой Эрран» связал себя с крайними протестантами. Он строил расчеты на брак с Марией Стюарт и на переход королевы на сторону протестантской партии.

Наиболее ловким из шотландских политиков был сводный брат Марии — Джеймс Стюарт граф Мерей. Он был протестантом по вере и по убеждению в политической полезности реформации для Шотландии. Мерей давал разумные советы своей сестре в начале ее правления. Впоследствии в самые драматические моменты Мерей будет неизменно отсутствовать. Его нельзя будет найти в числе заговорщиков и убийц. У Мерей всегда найдется железное алиби — настолько безупречное, что это одно способно породить подозрения. Но так случится позднее. А в первые годы правления Марии ее сводный брат — самый доверенный советник королевы. Возникает только вопрос, не стремился ли Мерей, хорошо разобравшись в характере Марии, своими внешне столь безупречными советами побудить ее собственными руками нагромоздить для себя трудности. Мерей действовал в союзе с государственным секретарем Уильямом Мейтлендом, прозванным «Митчел Уили» — шотландское искажение имени Макклавелли. Оба они были сторонниками союза с Англией. Существовала и группа католических лордов. Признанным их лидером был граф Хентли, обладавший решающим влиянием на северо-востоке и отчасти севере страны.

Молодой католической королеве предстояло управлять протестантской страной. Мария «была проникательна, но довольно неосторожна, одарена большим умом, и, однако же, не способна к последовательности и постоянству, — писал французский историк Минье. — Приветливая в обращении, порывистая, грациозная и страстная, безгранично доверяясь тем лицам, которые ей нравились, с пылкостью увлекаясь господствующими идеями, она обладала всеми прелестями женщины, не обладая в достаточной степени твердостью, необходимой для королевы»⁵. Наделенной недюжинной силой характера и храбростью, Марии недоставало ясного политического мышления, терпения, осторожности и в особенности навыков ведения тайной войны.

Первые шаги Марии, несомненно внушенные ее советниками, были, впрочем, довольно осторожными. Она отвергла предложение послать с ней французские войска. Оставаясь католичкой, Мария остерегалась оказывать предпочтение своим католическим подданным. «Протестанты, — отмечал шотландский историк У. Робертсон, — добились декларации, чрезвычайно благоприятной для их религии. Протестантская доктрина, хотя и утвердившаяся по всей стране, никогда еще не получала поощрения или санкции королевской власти. В декларации королева объявила любую попытку изменения или подрыва протестантства самым тяжким преступлением. Королева передала управление страной целиком в руки протестантов. Ее Тайный совет был заполнен наиболее известными лицами, принадлежавшими к протестантам, ни один католик не был удостоен какой-либо степени доверия»⁶. Это не мешало Марии Стюарт уверять католические державы и папу в намерении реставрировать католицизм.

⁴ W. O n c k e n. Vorwort. — E. B e k k e r. Maria Stuart, Darnley, Bothwell. Giessen, 1884, p. X.

⁵ М. Минье. История Марии Стюарт, ч. 1. СПб., 1863, стр. 81—82.

⁶ W. R o b e r t s o n. The History of Scotland During the Reign of Queen Mary and of King James VI, vol. I. London, 1776, p. 286.

Несмотря на осторожный курс внутренней политики, Марии не удалось избежать осложнений с Англией. Новый брак, в который собиралась вступить Мария Стюарт, имел большое политическое значение и для Англии. Претендентами на руку шотландской королевы выступали многие принцы, включая дона Карлоса, сына и наследника испанского короля Филиппа II. Елизавета предложила кандидатуру собственного фаворита Роберта Дадли графа Лейстера. С этой целью в апреле 1565 г. в Шотландию в дополнение к послу-разведчику Рэндолфу прибыл Трокмортон⁷. Но предложение Елизаветы было отвергнуто.

В июне 1565 г. Мария неожиданно вышла замуж за своего кузена Генри Стюарта лорда Дарнлея, сына графа Леннокса. По словам придворного Джеймса Мелвилла, Дарнлей «более напоминал женщину, чем мужчину. Он был хорошеньким, безбородым и лицом походил на даму». С династической точки зрения выбор Марии был теоретически не столь плохим. Как и Мария, ее муж имел права на английский престол, тем самым укрепляя и права любого их наследника. Однако на деле этот выбор являлся серьезной политической ошибкой. Супруг королевы оказался спесивой посредственностью, сразу вступившим в распри с влиятельными лордами, включая и Меря⁸.

Елизавета была разгневана браком Марии. Соперничество с мужем королевы объединило Меря и Гамильтонов — старых врагов Ленноксов. Однако поднятое ими восстание было без труда подавлено, Меря бежал в Англию, Елизавета публично осуждала Меря, а в тайне оказывала ему поддержку. Одержав победу над частью протестантских лордов, Мария Стюарт сочла возможным более откровенно опираться на помощь католиков — в самой стране и за ее пределами. Главным агентом католической контрреформации в Шотландии считали итальянца Давида Риччио, музыканта по профессии, ставшего секретарем королевы. Влияние, которое этот безродный выходец из Савойи приобрел на Марию, вызывало негодование лордов, видевших в возвышении итальянца умаление своей власти. Они объясняли возвышение Риччио тем, что он будто бы являлся любовником королевы и отцом ребенка, которого она ожидала. Этот вымысел поддерживал даже Дарнлей. Он мстил Марии за нескрываемое пренебрежение, с которым она стала относиться к нему, как только поняла, чего стоит это пустоголовое ничтожество.

Дарнлей вступил с мятежными лордами в тайный сговор, согласно которому они соглашались поддержать его притязания на власть, а он обязался не допустить конфискации имений Меря и его союзников. Ночью 9 марта 1566 г. заговорщики ворвались в королевский дворец и на глазах Марии зверски зарезали Риччио, умолявшего свою повелительницу о защите. Очень вероятно в расчеты лордов входило устранение и самой королевы. Они предполагали, что молодая женщина, которая должна была скоро родить, не выдержит леденящего ужаса этой мрачной ночи, направленных против нее мечей в покрытых кровью руках убийц.

Однако Мария уцелела, ей удалось искусным притворством привлечь на свою сторону Дарнлея и таким путем избавиться от подчинения заговорщикам. 19 июня Мария родила сына — будущего короля Якова, что, казалось, еще более способствовало примирению супругов. Оно было, однако, только внешним. Мария Стюарт не простила Дарнлею его предательства, и теперь, когда она с его помощью избавилась от опеки мятежников, не было больше нужды скрывать свои истинные чувства. Уже в августе и особенно в сентябре 1566 г. все узнали о разрыве между супругами. Прибывший на крестины принца Якова английский посол граф Бедфорд писал: «Невозможно из чувства приличия и ради чести королевы передать, что она говорила о нем». Ощутив опасность, Дарнлей уехал в Глазго, где было сильно влияние его отца.

ЗАГАДКА КИРК О'ФИЛДА

Возможно, что ненависть и отвращение к Дарнлею были вызваны у Марии внезапно вспыхнувшим влечением к 30-летнему Джеймсу Хепберну графу Босвелу, мужественному и беззащитному кондотьеру, предводителю боевых отрядов, состав-

⁷ A. L. Rowsey. Raleigh and the Trockmortons. London, 1962, p. 43—44.

⁸ C. Bingham. The Making of a King. The Early Years of James VI and I. Garden City (N. Y.), 1969, p. 22—23.

ленных из жителей пограничных районов. Стефан Цвейг в романе «Мария Стюарт» уделяет много внимания этой нахлынувшей, как ураган, непреодолимой страсти, которая превратила гордую королеву в покорное орудие хищного честолюбца. Под гипнотическим взглядом своего любовника королева безропотно разыгрывает комедию нового примирения с Дарнлеем, выманивает его из безопасного Глазго и 9 февраля 1567 г. разделяется с ним с помощью коварного убийства. Дом Кирк О'Филд около городской стены Эдинбурга, в котором поместили Дарнлея, взлетел на воздух. Пытавшийся найти спасение в саду Дарнлей был схвачен и задушен неизвестными убийцами. Мария Стюарт за несколько часов до этого уехала в замок Холируд, чтобы присутствовать на свадьбе своих слуг. А вскоре королева вышла замуж за Босвела, которому спешно устроили развод с первой женой. Такова версия, которой придерживались враги Марии Стюарт и которую пересказывали даже многие сочувствующие ей историки.

Несомненным во всем происшедшем является убийство Дарнлея, все остальное покоится на довольно произвольных предположениях, на домыслах, когда даже не учитываются некоторые бесспорные факты. Поэтому, не обращая пока к 9 февраля 1567 г. и исходя из того, что в этот день был взорван дом, в котором Мария Стюарт поместила своего мужа, присмотримся к тому, что нам известно о поведении и жертвы, и предполагаемых преступников в месяцы, предшествовавшие убийству.

О «преступной страсти» королевы к Босвелу узнали из ее собственных писем. Однако подлинность этих документов никак нельзя считать неопровержимо установленной. Весьма показательно, отмечал немецкий историк Г. Кардаунс, что не сохранилось ни одного указания на страсть королевы к Босвелу, которое восходило бы к лету и осени 1566 г.⁹ Если же отбросить свидетельство писем, то известно лишь, что Босвел пользовался большим весом при дворе и доверием королевы во второй половине 1566 и начале 1567 г. Он был, вероятно, наиболее влиятельным лицом в Южной Шотландии, ему принадлежали несколько укрепленных замков. Босвел неизменно был лоялен к матери Марии Стюарт, когда она в качестве регентши управляла страной. Правда, Босвел участвовал в мятежах, вспыхнувших в первые годы после возвращения Марии в Шотландию, но в сентябре 1565 г. он прибыл из изгнания и стал держать сторону королевы. «Граф Босвел, — писал апологет королевы французский исследователь Л. Визене, — в начале своей карьеры стоил больше, чем остальная шотландская аристократия. Он был патриотом, а большая часть лордов продалась Англии. Он, несмотря на то, что был протестантом, служил верной опорой Марии Лотарингской [Гиз] и Марии Стюарт против внешних врагов; внутри страны он стремился защитить их от измены враждебных лордов»¹⁰. В месяцы после убийства Риччио верность Босвела и его отрядов дала возможность Марии освободиться от фактического подчинения мятежным лордам. Поддержка Босвелом королевы против Дарнлея могла до поры до времени определяться также той враждой, которую вызвал неумный и наглый супруг королевы у многих влиятельных политиков. Известно, что Марии удалось добиться осенью 1566 г. примирения Босвела с вернувшимися еще ранее из Англии Мереем, графами Арджилом и Хэнтли, с государственным секретарем Мейтлендом, которые все ненавидели Дарнлея.

Многие документы, связанные с этим примирением, были потом уничтожены Мереем и его единомышленниками, чтобы представить Марию Стюарт и Босвела единственными виновниками убийства Дарнлея. Один английский наблюдатель позднее, уже в ноябре 1567 г., писал: «Бумаги, содержащие имена главарей и их согласие на убийство короля, превращены в пепел, а бумаги, касающиеся роли королевы сохранены для обозрения». Вероятно, что документ, уличавший лордов, с подписями Мортона, Мейтленда, Джеймса Балфюра и других был передан Босвелом Марии перед их расставанием в июне 1567 г. и потом отобран у нее, когда она попала в плен. Эти сведения совпадают с тем, что известно о так называемой конференции в замке Крейтмиллере, состоявшейся в октябре или ноябре 1566 г. В ней принимали участие королева, Босвел и группа лордов во главе с Мереем. Обсуждая вопрос о необходимости избавить королеву от Дарнлея, государственный секретарь Мейтленд предложил сделку: королева прощает убийц Риччио, взамен будет найден способ обеспе-

⁹ H. Cardauns. Der Sturz Maria Stuart. Köln, 1883, S. 23.

¹⁰ L. Wiesener. Marie Stuart et le comte de Bothwell. Paris, 1863, p. 531.

чать ее развод с Дарнлеем. Мария согласилась, но с тем условием, чтобы повод для развода не ставил под сомнение законность прав ее сына. Мейтленд заметил в ходе официальной беседы:

— Государыня, не беспокойтесь. Мы, собравшиеся здесь,— главные представители вашего дворянства и государственного совета, найдем средство избавить Ваше величество от него (Дарнлея.— *Е. Ч.*) без ущерба для вашего сына.

Мария заявила, что она не желает ничего, способного запятнать ее честь и честь.

— Государыня,— ответил Мейтленд,— предоставьте это дело нам, и ваша милость узрит лишь только благо, одобренное парламентом¹¹.

О конференции в Крейгмиллере мы знаем от нескольких ее участников, включая Марию Стюарт. Их свидетельства сходятся в том, что лорды договорились с королевой (или договаривались) о разводе с Дарнлеем. Однако добиться развода было непростым делом. А пока он не был осуществлен, Дарнлей оставался мужем королевы и покушение на него было бы, в отличие от убийства какого-то Риччио, государственной изменой. Сущность переговоров заключалась в том, что, если бы развод оказался неудобноисполнимым, от Дарнлея следовало избавиться таким способом, чтобы это не выглядело как убийство; иначе риск для всех участников заговора становился бы слишком большим.

24 декабря 1566 г. было официально объявлено о прощении убийц Риччио. Можно, конечно, рассматривать это как плату сообщникам по новому заговору. Однако допустимо и другое, более простое объяснение — за виновных лордов, наиболее активных лидеров протестантской партии, ходатайствовало правительство Елизаветы. Даже французская дипломатия присоединилась к этой просьбе, в которой было трудно отказать. В результате этого акта прощения в Шотландию возвращались люди, остро ненавидевшие Дарнлея за его предательство, которое тогда похоронило их политические планы и заставило удалиться в изгнание.

Часть вернувшихся сразу примкнула к заговору. К ним принадлежал влиятельный граф Мортон, впоследствии многие годы регент Шотландии. В написанной Мртоном накануне казни, в 1581 г., «Исповеди», в которой ему, вероятно, не имело смысла скрывать истину, он признавал, что знал о заговоре, хотя не участвовал в нем, одновременно отмечая, что активным заговорщиком был его родич Арчибальд Дуглас. В 1583 г. Дуглас в письме к Марии Стюарт вспоминал, что 18 или 19 января 1567 г. Мортон, возвращавшегося из Англии, встретили Босвел и Мейтленд. По словам Дугласа, Босвел и Мейтленд предложили Мортону участвовать в убийстве, но тот поставил условием получение письменного приказа королевы. Из письма Дугласа явно следует, что Марии было известно о готовившемся покушении.

Сведения о нараставшей угрозе для жизни Дарнлея дошли и до иностранных дипломатов и разведчиков. Об этом, в частности, стало известно французскому послу Дюкроку, покинувшему Шотландию за три недели до убийства. Сам Дарнлей тоже почувствовал опасность, именно поэтому он поспешил укрыться в относительно безопасном Глазго.

Таким образом, о заговоре было известно многим, и можно предположить, что о нем знала и Мария, но это еще не означало участия самой королевы в заговоре или даже ее осведомленности о каких-либо конкретных деталях подготовки покушения.

Большой знаток шотландской истории XVI в. Г. Дональдсон, взвешивая изложенные выше аргументы, склоняется к выводу, что Мария не принимала участия в заговоре или, по крайней мере, что ее поведение легче объяснить, если исходить из этого предположения¹².

20 января 1567 г. королева в письме своему послу Джеймсу Бетону в Париж упоминает о слухах, что Дарнлей в сообществе с несколькими лордами собирается короновать ее малолетнего сына и править от его имени. И в этот же самый день королева отправляется из Эдинбурга в Глазго, чтобы привезти оттуда больного мужа в столицу. Не очень правдоподобно, чтобы королева согласилась взять на себя роль приманки, с помощью которой заговорщики стремились заманить Дарнлея в Эдинбург. «Искренен ли был этот неожиданный переход от отвращения к трогатель-

¹¹ Ср. М. Минье. Указ. соч., стр. 186—188.

¹² G. Donaldson. The First Trial of Mary Queen of Scots. New York, 1969, p. 39.

ному участию, от ненависти к доброму согласию?» — задавал вопрос Минье и отвечал: «Невозможно верить этому, если принять в расчет, что смерть Дарнлея, последовавшая чрезвычайно трагически через несколько дней, не причинила ей никакой печали, не оставила в ней ни малейшего сожаления, не внушила ей чувства мести, не заставила принять никаких судебных мер; если обратить внимание на то, что в то самое время как она, по-видимому, примирилась с мужем, ее преступная связь с Босвелом продолжалась, и что вскоре после того она сделалась женой этого отважного убийцы ее мужа»¹³.

Если Мария намеревалась убить Дарнлея, почему она не попыталась это сделать в Глазго, руками своего доктора, а положились на такой неверный способ, как взрыв здания в столице? — возражал Л. Меневал¹⁴. С другой стороны, утверждения защитников Марии, что ею двигала жалость к больному мужу, вряд ли способно кого-либо убедить, если вспомнить предшествовавшие этому отношения между супругами. Вероятно, объяснение можно найти в упорно ходившем слухе, что Мария снова должна была стать матерью и необходимо было «узаконить» ожидавшегося ребенка.

Мемуаристы расходятся в определении причин болезни Дарнлея. Одни считали ее результатом далеко зашедшего венерического заболевания, другие — следствием отравы. К последнему предположению присоединялись уже в XVIII в. шотландские ученые: так, например, Джилберт Стюарт считал, что королева знала о попытке отравления Дарнлея лордами и в ней проснулось сочувствие к мужу, ставшему жертвой ее врагов. Это и привело Марию к больному Дарнлею в Глазго. Его выздоровление и примирение с королевой вызвало сильную тревогу лордов. Их безопасность оказалась несовместимой с дальнейшим существованием Дарнлея. В заговоре участвовали Мерей, Мортон, Мейтленд и Босвел. Однако Мерей и Босвел строили при этом совершенно противоположные планы. Босвел после смерти Дарнлея стремился получить руку Марии и трон, Мерей надеялся сам захватить власть.

Мария после убийства Дарнлея могла опасаться за свою судьбу, но покушение на ее жизнь явно не могло входить в намерения Босвела. Осторожный и коварный Мерей накануне убийства уехал в свой замок в графстве Файф под предлогом болезни жены. Позднее, выступая в защиту Марии, ее посол в Англии епископ Лесли утверждал на процессе королевы, что Мерей сказал сопровождавшему его лорду Геррису: «Этой ночью до рассвета лорд Дарнлей расстанется с жизнью». Мерей не опроверг этого заявления; Геррис тоже промолчал. Вначале даже в Англии верили слухам, что убийцами были Мерей, Мортон и Мейтленд. Босвел удачно защищался от обвинения отца Дарнлея графа Леннокса, и не было приведено никаких фактов, доказывавших его виновность. Мерей, Мортон и Мейтленд внешне полностью выступали в защиту Босвела. Суд, находившийся под давлением вооруженных сторонников Босвела, оправдал его.

Прежние ссоры Марии с Дарнлеем помогли лордам взвалить на королеву вину за убийство. Отношения Босвела и Марии, не подозревавшей об его участии в заговоре, могут быть объяснены вовсе не «роковой страстью», а стремлением превратить в свою опору влиятельного графа. Босвел по существу похитил королеву, когда она ехала на свидание к сыну в Стирлинг, и отвез в свой замок Думбар. Там только уверениями в преданности и демонстрацией документов, которые подписали лорды, одобрявшие его план, Босвел вырвал вынужденное согласие Марии на брак с ним.

После поражения королевы и Босвела суду были преданы лица, помогавшие, как считали, ему в организации убийства Дарнлея. Однако даже под пытками подсудимые не дали показаний, желательных лордам. На эшафоте в своих предсмертных заявлениях осужденные твердили о своей невиновности. А один из них, капитан Блейкэдер, от которого ждали разоблачений, выразил лишь свое убеждение, что убийство было подготовлено Мереем и Мртоном. Позднее то же заявили перед казнью слуги Босвела — Далгейш и трое других, показавшие, что сообщниками их лорда были Мерей и Мейтленд и что королева не участвовала в заговоре¹⁵.

¹³ М. Минье. Указ. соч., стр. 194—195.

¹⁴ [L. Meneval]. La vérité sur Marie Stuart d'après le document nouveau. Paris, 1877, p. 102—103.

¹⁵ G. Stuart. The History of Scotland from the Establishment of the Reformation till the Death of Queen Mary, vol. I. London, 1782, p. 198—199, 206—207, 209—211, 213—215, 218, 223, 229—230, 295—296.

Вероятно, Марии не было известно о плане взрыва Кирк О'Филда. Она была настолько потрясена известием, что несколько дней не принимала участия в делах. В течение долгого времени после гибели Дарнлея корреспонденция, подписанная королевой за исключением письма от 16 февраля, была написана не как обычно на французском языке, а по-шотландски (т. е. не самой Марией). Даже через месяц, когда английский посол получил аудиенцию, его приняли в полутемной комнате — очевидно больная Мария поручила одной из своих фрейлин сыграть роль королевы.

В официальном обвинении, предъявленном позднее Марии, говорилось, что она сама присмотрела Кирк О'Филд как резиденцию для Дарнлея. Это, судя по всем данным, не соответствует действительности. Ряд показаний людей, принадлежавших к различным партиям, свидетельствует, что Мария первоначально собиралась перевести больного Дарнлея не в Кирк О'Филд, а в Крейгмиллер. Кирк О'Филд был избран самим Дарнлеем (на это обращали внимание многие исследователи, писавшие в XIX в., — француз Ж. Готье, немцы Б. Зепш, О. Карлова и др.)¹⁶.

Г. Кардаунс высказывает предположение, что именно Балфур предложил Дарнлею остановить свой выбор на Кирк О'Филде. Во всяком случае выбор был сделан Дарнлеем вполне добровольно и вопреки желанию Марии¹⁷. Другие историки, например французы Ж. Пти и Л. Меноваль, соглашаются с мнением некоторых современников, что Кирк О'Филд был выбран Дарнлеем по совету Мерее¹⁸.

Кирк О'Филд был расположен на высоком месте и поэтому мог более подходить для больного. В обвинении указывалось, что порох был сложен в спальне королевы. Это помещение было расположено непосредственно под комнатой Дарнлея, и Мария провела в своей опочивальне две ночи. А в покрытых мраком событиях 9 февраля по крайней мере очевидно одно — Кирк О'Филд по единодушному свидетельству очевидцев взрывом был поднят на воздух весь, включая стены, вплоть до камней фундамента. Поэтому в первые дни после взрыва господствовало мнение, что под дом была подведена мина.

Об этом говорилось в письме, отправленном от имени Марии Стюарт в Париж. То же самое доносили английские дипломаты и агенты в Лондон. Мерей также сообщал, что дом «целиком подорван». По-видимому, брату королевы, вскоре снова возглавившему группировку, враждебную его сестре, еще не пришло в голову, насколько это заявление не согласуется с утверждением, что порох находился не в подвале, а в опочивальне Марии Стюарт. Непонятно также, почему заговорщики так долго медлили со взрывом, ставя под угрозу все предприятие, — ведь порох в комнате королевы мог быть обнаружен в любую минуту. Сила взрыва невольно заставляет задать вопрос — действительно ли заговорщики метили только в Дарнлея? Не проще ли было избавиться от него с помощью яда, ведь доказать преступление было бы при тогдашнем состоянии медицины фактически невозможно, и подозрения так и остались бы подозрениями.

Значительно легче объяснить известные факты, предположив, что целью заговорщиков был не только Дарнлей, но и сама королева. Были ли у лордов в начале 1567 г. основания стремиться к ее устранению? Да, основания были и большие, чем во время убийства Риччио, когда по крайней мере часть заговорщиков предполагала избавиться также и от Марии. Рождение сына в известном смысле ослабило позиции королевы, теперь ее смерть не вызвала бы споров о наследовании престола. Более того, она обеспечивала бы интересы протестантской партии — Якова воспитывали бы сторонником реформированной церкви, а не католиком, как это предполагала сделать его мать. Малолетство Якова обеспечивало честолюбцам вроде Мерее на долгие годы власть от имени несовершеннолетнего короля. Убийцы Риччио рассчитывали (если они устранят королеву) править, прикрываясь именем недалекого Дарнлея. Теперь, вернувшись недавно из изгнания, не решили ли они повторить старый план, с тем только изменением, что, устранив с пути и королеву, и Дарнлея, воспользоваться куда

¹⁶ См., например, O. K a r l o w a. Maria Stuart's angebliche Briefe an Grafen J. Bothwell. Heidelberg, 1886, S. 36.

¹⁷ H. C a r d a u n s. Op. cit., S. 35.

¹⁸ J.-A. P e t i t. Histoire de Marie Stuart, t. I. Paris, 1875, p. 273; [L. M e n e - v a l]. Op. cit., p. 106.

более удобной коронованной марионеткой — Яковом? Мысль о том, что целью заговорщиков был не только Дарнлей, но и королева, казалась очень правдоподобной современникам. Ее высказывали не только сторонники Марии Стюарт, вроде архиепископа Бетона, но и английская агентура в донесениях Уильяму Сесилу.

ЗАГОВОР В ЗАГОВОРЕ!

В исторической литературе высказывалась и гипотеза, что сам Дарнлей был участником заговора, жертвой которого он пал. Согласно этой гипотезе Дарнлей хотел, как и при убийстве Риччио, избавиться от жены и захватить корону. Дарнлей, продолжают сторонники этой версии, рассчитывал на поддержку католической партии и католических держав. Гипотеза опирается на тот факт, что Дарнлей действительно пытался завязать связи с Испанией и Римом, представляя себя поборником дела католицизма, к которому, мол, равнодушна Мария Стюарт. Предположение об участии Дарнлея помогает объяснить и некоторые другие, кажущиеся загадочными обстоятельства, включая то, что заговорщики рисковали длительное время держать порох в Кирк О'Филде.

Расчеты Дарнлея, очень сомнительного католика в глазах Филиппа II и нового папы Пия V, были шаткими. И испанский король и римский первосвященник и его нунции в западноевропейских странах считали Марию оплотом католицизма и очень неслестно отзывались о Дарнлее. Немецкий историк Е. Беккер подчеркивал, что в Мадриде, Париже и Лондоне в первые дни после убийства Дарнлея ему давали взаимоисключающие объяснения¹⁹. Это свидетельствует о том, что там не были заранее извещены о возможном покушении.

Единственное документальное подтверждение версии о Дарнлее как организаторе заговора находят в замечании британского посла в Париже, которое было сделано им в депеше от 5 апреля 1567 г. Английский дипломат писал, что смерть Дарнлея ведет свое «происхождение» из Парижа. Однако, во-первых, это замечание слишком неясно, чтобы решить, имел ли посол в виду заговор Марии против Дарнлея или заговор самого Дарнлея. А во-вторых, не следует преувеличивать осведомленность британских агентов во Франции — они питались различными обрывками слухов, циркулировавших при дворе. А в это время во Франции распространялись самые противоречивые сведения о взрыве Кирк О'Филда, вовсе не свидетельствовавшие о какой-то тайной осведомленности католических держав.

Конечно, все это не исключает того, что Дарнлей сам, без участия внешних сил, организовал заговор. Однако странно, что такая мысль возникла лишь у историков через четыре столетия, что она не была высказана ни одним из современников, даже тех, кому это было бы явно выгодно. Конечно, лордам, обвинявшим Марию и Босвела, незачем было выдвигать подобную версию, но почему этого тогда же не сделали сама королева и ее новый муж? Граф Мортон в своей предсмертной исповеди тоже не пытался обелить себя, свалив вину на Дарнлея. К тому же больному Дарнлею, проведенному всего 10 дней в Кирк О'Филде и по всей вероятности не знавшему заранее, что он будет помещен здесь, вряд ли было по силам организовать незаметно доставку большого количества пороха. Вдобавок надо учесть, что Дарнлей, по общему мнению, был болтуном, неспособным сохранить никакой секрет, а его недавнее предательство сообщников после убийства Риччио вряд ли располагало их снова вступить с ним в тайный сговор.

Правда, когда выше говорилось, что никто из современников не выдвигал версию о заговоре Дарнлея, не учитывалась одна фраза в истории Шотландии, написанной известным ученым Джорджем Бьюкеном, который был близок к семье Дарнлея и после его гибели стал ярким врагом королевы. В этом сочинении (содержащем немало явных противоречий и намеренной неправды) Бьюкеном пишет, что большинство слуг Дарнлея успело выйти из обреченного здания, заранее зная о готовившемся покушении. Слова эти очень странны в книге, где доказывается, что существовал заговор королевы и Босвела против Дарнлея. Непонятно, почему слуги не предупредили об опасности своего хозяина. Неясно, откуда они узнали о ней; если от самого Дарнлея, то почему он сам предпочел до последней минуты оставаться в доме? Остается пред-

¹⁹ E. B e k k e r. Op. cit., S. 84.

положить, что слуги были встревожены каким-то просочившимся слухом о надвигающейся опасности.

Сторонники версии о заговоре Дарнлея пытаются использовать очень неясные обстоятельства, сопровождавшие его гибель. Показания свидетелей и современников крайне противоречивы и, вероятно, сознательно запутаны. Первоначально все свидетели утверждали, что на трупе Дарнлея не было видимых следов насильственной смерти. Однако далее начинаются расхождения; из некоторых показаний следует, что Дарнлей был убит во время взрыва, из других, притом большинства, что его труп нашли в саду. Расхождения эти мало что дают для выяснения, кто же был организатором взрыва. Если исходить из предположения, что смерть наступила в результате внешне не заметного повреждения внутренних органов (один из слуг королевы показал, что у Дарнлея было сломано ребро, хотя приписал это тому, что тот неудачно выпрыгнул из окна), то оно кажется маловероятным — при большой силе взрыва, мгновенно поднявшего в воздух все здание, трудно представить, что Дарнлей без увечий пролетел через стену или потолок и на теле не осталось следов от обрушившейся груды камней.

Совершенно иной становится картина, если допустить, что Дарнлей покинул здание до взрыва. Это означало бы предварительную осведомленность о том, что взрыв должен скоро произойти, из чего, однако, еще не следует, что Дарнлей был организатором или даже участником заговора. Возможно, что он вследствие какой-то случайности узнал о близком взрыве и поспешил покинуть дом. Подобное объяснение событий согласуется с тем, что Дарнлей выпрыгнул из окна (и притом в нижнем белье), а не вышел в дверь, в два часа ночи, зимой, в феврале. Кроме того, он зачем-то оставил в доме погибать двух слуг. Все это скорее свидетельствует о спешке, о панике, а не о маккиавелистски тонко продуманном поведении организатора заговора (роль, которую менее всего способен был сыграть недалекий Дарнлей).

Предположить, что Дарнлей сам поджег запал, заметив издали факелы у всадников, среди которых, по его мнению, находилась Мария, а потом поспешил наверх, чтобы почти голым выпрыгнуть из окна — значит построить самую нелепую схему. Начнем с того, что запалы того времени часто гасли и огонь не успевал достигнуть пороха. Нельзя было также точно определить, успеет ли королева приблизиться к дому или даже войти в него до того, как произойдет взрыв. И зачем было в таком случае прыгать из окна, а не просто незаметно ускользнуть из Кирк О'Филда?

Несколько правдоподобнее может показаться версия, что Дарнлей, подготовив взрыв на более позднее время, проснулся, например, от запаха горелого, от случайно возникшего огня и поспешил в страхе выпрыгнуть в окно. Однако и в таком случае трудно объяснить его смерть в саду — ведь как раз в это время Дарнлея должны были поджидать убийцы, затянувшие ему петлю на горле. Нет, слишком неверные расчеты и явно неправдоподобные совпадения должна допускать теория, согласно которой Дарнлей сам был заговорщиком. Она еще менее выдерживает проверку, чем официальная версия, по которой организаторами заговора выступают Мария Стюарт и Босвел. Остается проверить третью версию, находящую подтверждение в «Исповеди» графа Мортонна, что заговорщиками являлись мятежные лорды.

Еще в XVIII в. историк У. Гудел писал, что лорды, которые оказались способными так поступить с королевой, не могли остановиться перед убийством ее мужа. Анализ событий накануне убийства показывает, что «только Мерей и Мортон с их сообщниками совершили это ужасное дело». Их активным соучастником был архиепископ Сен-Эндрюский, Босвел же не был участником заговора²⁰.

Как уже отмечалось выше, у лордов были вполне веские мотивы отделаться от Дарнлея, а еще лучше от Дарнлея и королевы. Собственно, ведь так и произошло — Дарнлей был убит, а на Марию Стюарт была возложена ответственность за убийство, и она была на этом основании лишена трона. Главным лицом, которое, должно было выиграть и действительно выиграло от всего этого являлся несомненно Мерей, глава группы протестантских лордов. Мерей был человеком, на которого в это время делали ставку в Лондоне. А это уже вводит в игру Уильяма Сесила и его секретную службу.

²⁰ W. G o o d a l l. An Examination of the Letters Said to Be Written by Mary Queen of Scots to James Earl of Bothwell..., vol. I. Edinburg, 1754, p. 151, 329, 338—341.

В первые месяцы после взрыва в Париже были прямо склонны приписывать смерть Дарнлея козням Мерей и англичан. 13 марта Мерей писал Сесилу: «Я сам затронут». Конечно, надо было плохо знать и Сесила, и Мерей, чтобы надеяться найти в сохранившихся документах следы их подлинных намерений и планов.

Что же делал Мерей в недели и месяцы, предшествовавшие и следовавшие за взрывом Кирк О'Филда? В свое время он приехал в Эдинбург на другой день после убийства Риччио. Теперь же Мерей покинул столицу немногим менее чем за сутки до убийства Дарнлея. Однако на это раз у Мерей была вполне объяснимая причина для поспешного отъезда — неудачные роды его жены. Мерей вернулся в Эдинбург только 7 апреля и, пробыв в столице не более двух или трех дней, отправился во Францию, назначив Марию Стюарт опекушкой своих детей. Через два месяца после убийства Дарнлея Мерей еще не собирался обвинять сестру в совершении этого преступления. Находясь в Лондоне, он заявлял, что не верит в слухи о браке Марии Стюарт и Босвела. Возможно, все действия Мерей объяснялись нежеланием связывать себе руки до тех пор, пока не прояснится обстановка.

Из других вероятных участников заговора лорд Хентли (он, между прочим, был шурином Босвела) и Арчибальд Дуглас были незадолго до взрыва в Кирк О'Филде вместе с королевой и Босвелом. Это известно из «Исповеди» Мортон и из показаний казненного в 1581 г. слуги Дугласа-Биннинга. Участие Дугласа подтверждает и молва, приписываемая Дарнлею, когда его настигли убийцы в саду: «Скальтезь надо мной, родственники, во имя того, кто имел жалость ко всем!» (Дуглас состоял в родстве с Дарнлеем по материнской линии).

Два других лорда, по-видимому, вступивших в союз для убийства Дарнлея, — Мейтленд и Арджил, были в Эдинбурге 9 февраля. Арджил, вероятно, сопровождал Марию при посещении Кирк О'Филда. Мортон, недавно вернувшийся из изгнания, заранее знал о заговоре, но не был его участником. Нет прямых свидетельств об участии в заговоре Гамильтонов, но устранение Дарнлея было явно в интересах этого клана; вскоре Гамильтоны, ранее предлагавшие «молодого Эррана» в качестве жениха для королевы, выдвинули кандидатуру его младшего брата лорда Джона. Дом Гамильтонов был расположен совсем рядом с Кирк О'Филдом, и упорно ходил слух о свете в окне комнаты главного политика в этой семье архиепископа Сен-Эндрюского в ночь убийства. Во всяком случае Гамильтоны были в числе тех, кто мог с особым успехом обеспечить тайную доставку пороха в Кирк О'Филд.

Но еще большие возможности могли быть у сэра Джеймса Балфура из Питтендрейча. Этот ученый судья и впоследствии глава шотландской юстиции был весьма колоритной фигурой. Современники, привычные ко всяческим изменам, все же выделяли «богохульного Балфура» как «самого растленного из людей», последовательно служившего и предававшего с выгодой для себя все партии. За два месяца до взрыва, 9 декабря 1566 г., брату Джеймса Балфура Роберту была предоставлена должность управляющего Кирк О'Филдом, и судья мог без всяких помех осуществить всю подготовку к преступлению. Ходили слухи, что незадолго до взрыва он купил пороха на большую сумму в 60 ф.с. Молва о причастности к заговору Джеймса Балфура возникла сразу же после взрыва. Английские агенты доносили в Лондон, что был тайно убит слуга Балфура, поскольку его признания могли «привести к полному раскрытию картины смерти короля». С Балфуром был связан некий капитан Каллен, который в июне 1567 г. попал в плен и сообщил об обстоятельствах гибели короля. Тогда его отпустили, однако через четыре года он, находясь вместе с Балфуром в осажденном Эдинбургском замке, вновь попал в руки победившей протестантской партии и был сразу же казнен по приказу графа Мортон. Сам же Балфур утверждал впоследствии, что Мария предложила ему организовать убийство Дарнлея, но он благородно отказался. Свидетельства Балфура стоят вообще немногочисленные, а особенно, если учесть, что он годами после гибели Дарнлея подвизался в рядах сторонников Марии Стюарт. Балфур не имел возможности сам извлечь преимуществ из смерти Дарнлея, он мог действовать лишь как агент других лиц.

Официальная версия, повествующая о том, что слуги Босвела быстро доставили — чуть ли не на глазах у лордов, прибывших вместе с Марией в Кирк О'Филд, — порох из Холируда, содержит много несуразностей. Тем более, что, как уже отмечалось, взрыв пороха в комнате королевы не привел бы к разрушению до основания всего дома.

По-прежнему предстанет картина, если Босвел действовал вместе с лордами. В таком случае с помощью Балфура порох был доставлен в подвал Кирк О'Филда, — возможно, из соседних подвалов. Лорды, зная, что порох еще только должен был быть привезен, могли с легким сердцем сопровождать королеву в Кирк О'Филд. Действительно, переноску пороха легко было осуществить незадолго до взрыва. На слуг Босвела могла быть возложена обязанность поджечь запал, а на Арчибальда Дугласа и его слуг — окружить дом, чтобы покончить с Дарнлеем, если он спасется при взрыве. Возможно, что разные участники заговора намечали различные жертвы и оттяжка взрыва до двух часов ночи была вызвана разногласиями, неуверенностью, стоит ли действовать, когда главный объект покушения — королева — неожиданно покинула обреченное здание. В литературе уже давно была высказана мысль, что те, кто взорвал здание, вероятно, не знали всех деталей заговора²¹. Как бы то ни было, вскоре после убийства слухи указывали на Марию как на участницу заговора, а последующий ее брак с Босвелом придал этим предположениям характер уверенности. Судебный процесс в Эдинбурге, во время которого Босвел был оправдан от всех подозрений в подготовке преступления, был проведен пристрастно и скорее только подлил масла в огонь.

В свите Дарнлея состояли два брата, носившие одинаковое имя — Энтони Станден. Один из них находился в самом Кирк О'Филде в день убийства и спасся только потому, что был приглашен на бал-маскарад, который давала Мария Стюарт в Холируде по случаю венчания своих слуг. Станден подробно описал Сесилу события 9 февраля. Позднее Станден стал одним из наиболее ловких и удачливых английских разведчиков. Вскоре после убийства Дарнлея в Шотландии снова появился Николас Трокмортон. С ним приехал французский посол, стремившийся к восстановлению власти Марии Стюарт. Трокмортон же должен был добиваться «примирения» королевы с лордами, наказания убийц Дарнлея и отсылки принца Якова в Англию, где Елизавета предполагала объявить его наследником престола. Ни одной из этих целей Трокмортону достигнуть не удалось²².

В середине мая королева вышла замуж за Босвела, а еще через месяц ее войска без боя капитулировали перед армией, собранной лордами якобы во имя спасения королевы и ее сына.

Один из наиболее тщательно изучивших историю взрыва в Кирк О'Филде — Д. Х. Флеминг писал: «Апологеты Марии усердно стараются объяснить ее поведение, выразившееся в браке с Босвелом; к сожалению, их наиболее правдоподобные объяснения опровергаются ее собственными действиями или словами: жаркое усердие одного апологета порой подрывается смелым утверждением другого... Епископ Лесли (посол Марии в Англии. — *Е. Ч.*), будучи не в состоянии удовлетворительно объяснить, каким образом Мария была вынуждена сделать шаг, столь неподобающий и несоответствующий ее положению, чтобы выйти из затруднения, бесстыдно вилает и лжет». В качестве лучшего оправдания он мог только повторить общее мнение, что «Босвел достиг расстройства ума королевы с помощью магических чар»²³.

Мария была заключена в замок Лохleven и здесь под давлением лордов 24 февраля 1568 г. отреклась от престола в пользу своего сына Якова. Регентом стал спешно вернувшийся в Шотландию Мерей. Коалиция лордов быстро распалась — часть из них (Гамильтоны, Хентли, Арджил) были недовольны переходом власти в руки Мерей. Они приняли сторону Марии, которая 2 мая 1568 г. бежала из Лохlevena. За несколько дней вокруг нее собралась значительная армия в 5 или 6 тыс. человек. Однако эта армия 19 мая потерпела полное поражение при Лэнгсайдсе близ Глазго. Протестантская партия победила. 16 мая Мария Стюарт приняла роковое решение, перешла на территорию Англии и отдалась под покровительство Елизаветы.

Окончание следует

²¹ A. L. A n g. The Mystery of Mary Stuart. London, 1901, p. 139.

²² A. L. R o w s e y. Op. cit., p. 47—49.

²³ D. H. F l e m i n g. Op. cit., p. 161.